

В.И. МОШИНСКАЯ, Н.В. ЛУКИНА
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В ОТНОШЕНИЯ К СОБАКЕ У
ОБСКИХ УГРОВ

// Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С 46-60.

Исходя из предпринятого лингвистами анализа термин животноводства, следует думать, что предки угров вплоть до середины 1 тыс. до н.э. знали лишь двух домашних животных – лошадь и собаку [Kogenschu E., 1972, 105]¹. Естественно предположить, что в культовой практике этих народов должен был сохраниться след древнего значения этих животных. И действительно, это отчетливо выявляется в отношении коня. Роль лошади в качестве важнейшего жертвенного животного хорошо прослеживается по этнографическим данным. Общеизвестно огромное ее значение в культовой практике не только в южных районах проживания обских угров, но и в северных. Б. Мункачи, считавший жертвоприношение коня древним угорским обычаем, особо отмечал важное его культовое значение у северных вогулов [Karjalainen K.F., 1922, 128 – 129]. Относительно роли коня в обрядах имеется много указаний в исторической и этнографической литературе, гораздо труднее выявить, какова была в культовой практике обских угров роль другого и наиболее древнего домашнего животного – собаки.

В Северной Азии к собаке издавна было особое отношение. Диапазон колебаний от почтительного до резкого отрицательного представлен у разных народов Сибири, причем иногда даже в этнически однородной среде. Выделение ряда признаков скорее почтительного отношения и их картографирование позволило наметить три ареала «почитания собаки» у народов Северной Азии: на Дальнем Востоке, в Северо-Восточной Сибири и в Северо-Западной Сибири. Есть основания считать, что наиболее яркие формы «почитания» собаки существовали так называемых палеоазиатских народов – нивхов, ительменов, приморских коряков и чукчей, а в Северо-Западной Сибири – у обских угров [Лукина Н.В., 1978].

Ниже приводятся сведения об особом отношении к собаке культовой практике хантов и манси. Начнем с представлений о происхождении и прошлой судьбе этого животного. У обских угров известны мифы о прежнем проживании собаки на небе или связи ее с духами верхнего мира, а также с человеком. По одной мансийской версии собаку создал сын верхнего духа, потеряв друг о друга камешки [Чернецов В., 1935, 31]. По другим данным, собака вместе с медведем прежде была на небе, затем Нуми спустил их на землю. На прощанье он сказал собаке, что ей предстоит есть вместе с человеком, но та не расслышала и рассерженный Нуми переменил решение: будешь есть то же, что человек, но не вместе с ним [Гондатти Н.Л., 1888 б, 55]. У манси записан еще один миф, согласно которому собака была на земле вместе с людьми и не подпустила к ним черта. Она тогда не имела теплой шкуры, черт дал ей шкуру, но оплевал людей. Рассерженный бог вывернул их внутреннюю шкуру наружу, а собаке сказал: «Будь в надетой чертом шкуре» [Kannisto A., 1958 8 1]. В хантыйском фольклоре собака прежде была одним из двух людей, живших тогда на земле. Она неправильно выполнила совет Торума об оживлении умершего человека, за это была сброшена с неба и превращена в собаку. В другом варианте этого мифа собака была очень близкой человеку, а затем Торум разделял их [Легенды и сказки хантов, 1973, 25 – 26; Материалы по фольклору хантов, 1978, 21]. По рассказам хантов, собака прежде была покрыта золотом и серебром, а человек – чешуей из ногтей. Дух (черт) уговорил собаку сменить покрытие на шкуру, а Торума

¹ Вряд ли можно согласиться с мнением И. Фодора [Fodor I. 1976] о необходимости пересмотра точки зрения лингвистов на этот вопрос на том основании, что в памятниках андроновской культуры имеются кости домашних животных. Связь андроновской археологической культуры как единого целого с предками угров проблематична, и ее характер не может служить основанием для пересмотра более четких лингвистических данных.

убедил отдать ему покрытие человека, оставив последнему только ногти на пальцах. Согласно хантыйской мифологии собака может приобрести свой первоначальный облик – без шерсти, если переплывет через священную реку. Таковым является, например, один из притоков Демьянки, где тысячи лет назад духи в течение полумесяца держали совет [Karjalainen K.F., 1922, 5 – 6].

В обско-угорском материале имеется много данных о связи собаки с миром духов. Повсеместно признается, что собаки, в отличие от людей (кроме шаманов), видят духов и могут уберечь от них человека. Так, у манси собаки видят болезнь-собаку, насланную злыми духами, и гонят ее [Носилов К.Д., 1904, 15]. Манси Конды рассказывают, что собаки сильно лают, когда приходят сверхъестественные существа *йэльсэль*, *эйэ*, *паслиорут* или *мотоаса* [Kannisto A., 1958, 218, 228, 231, 232]. У васюганско-ваховских хантов собака может отличить настоящего зверя от лесного духа, принявшего его облик, и помочь охотнику пойти по правильному следу [Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977, 126]. Здесь же зафиксированы сведения о духах, дающих хороших собак. Это Чёкинский и дух р. Онкул на Васюгане и старик *парах* в юртах Пирчиных на Оби, им приносят в жертву фигурки собак из дерева [Karjalainen K.F., 1922, 152, 205, 206]. А. Каннисто подробно описывает, как можно получить охотничье и рыбацкое счастье от собаки лесного духа *Мисхум* [Kannisto A. 1958, 222 – 223]. Любопытно сообщение К. Ф. Карьялайнена (со ссылкой на Витзена) о том, что при обращении к домашним духам остяки «свистят и издают такие звуки, как будто подзывают собак» [Karjalainen K.F., 1922, 22].

Собака сверхъестественного существа может иметь облик другого животного. Например, манси Конды знают мифологическое существо *йэльсэль*, его собакой является лось [Kannisto A., 1958, 218]. Старая собака может превратиться в мамонта, перед этим она начинает есть землю или лезть в воду – считают ханты Югана, Агаиа, Лямина.

Вероятно, представление о способности собак видеть духов привело к обычаю получения дара провидца, известному у манси Конды. Для этого нужно часто смотреть между ушей черной собаки и если ночью поднимается сильный лай, тогда видно, кого облаивают собаки [Kannisto A., 1958, 407]. Собачьей шкурой манси и ханты обтягивали шаманский бубен [Гондатти Н.Л., 1888 б, 12; Кулемзин В.М., 1976, 136].

Собаки связаны с миром болезней и мертвых, что хорошо показано на мансийском материале К.Д. Носиловым и Б. Мункачи. Манси видят в заболевании и ликвидации трупа «дело рук собакоподобных демонов нижнего мира»; собаки живых людей первыми замечают возвращение умерших согласно легенде южных хантов [Munkacsí B., 1905, 106, 120 – 121]. Злые духи насылают болезнь, превратив ее в черную собаку, так считают манси Конды [Носилов К.Д., 1904, 15 – 16]. У хантов меньше сведений о подобных представлениях. Следует отметить, что в быту ханты стремятся не держать черных собак, так как при охоте они заметны на снегу, их пугаются домашние олени и т. д. Вой собаки предвещает смерть, обычно хозяина дома [Karjalainen K.F., 1921, 87]. Обращает на себя внимание тот факт, что при наличии у хантов представлений о связи собаки с миром мертвых и при большой роли этих животных в качестве тягловой силы они не использовались для перевозки умерших. Эту особенность отмечал еще К.Ф. Карьялайнен: «Доставка гроба на кладбище производится по-разному в зависимости от состояния и длительности пути, а также смотря по времени года: гроб несут, везут на оленях или лошадях, тянут сами на нартах или доставляют на лодке; примечательно, что собаки не используются, как тягловые животные даже там, где они применяются в таком качестве в иных условиях» [Karjalainen K.F., 1921, 114].

Некоторые моменты, связанные с ролью собаки в культовой практике обских угров, представляют для нас особый интерес и будут рассмотрены несколько подробнее. Во-первых, это вопрос о жертвоприношении собаки. В составленном К.Ф. Карьялайненом списке жертвенных животных у обских угров собаки мы не находим вовсе. По его данным, наиболее распространенными жертвенными животными были следующие:

северный олень, конь, крупный рогатый скот, коза и овца. В некоторых местностях приносилась в жертву и домашняя птица. Первое место по частоте распространения в качестве жертвенного животного принадлежит оленю, на втором находится лошадь, на третьем овца, корова, бык [Karjalainen K.F., 1922, 127 – 133]. Рассматривая список, мы видим, что большинство животных принадлежит к видам, которые стали известны обским уграм относительно недавно, во всяком случае, с которыми были незнакомы их предки в угорский период, охватывающий, по данным лингвистики, огромный промежуток времени – III – середина I тыс. до н.э. [Основы финноугорского языкознания, 1974, 39].

Итак, в списке жертвенных животных, составленном К.Ф. Карьялайненом, собаки нет вовсе, однако интересным дополнением к нему могут служить данные, собранные А. Каннисто. Этот этнограф, собравший в начале века громадный материал в Северном Приобье – в бассейне р. Лозьвы и р. Конды, отмечает, что в некоторых случаях собака выступает в качестве кровавой жертвы, наряду с человеком и лошадью [Kannisto A., 1958, 257 – 258]. Такие как будто противоречивые данные, наряду с тем, что этот вопрос почти не освещен в литературе, заставляют нас заняться им специально и попытаться выявить, играла ли собака какую-нибудь роль в древней культовой практике на территории севера Западной Сибири.

Особое внимание ученых привлекал состав животных, приносившихся обскими уграми в жертву «духу воды». Чаще всего приносили, по-видимому петухов, реже мелкий рогатый скот и совсем редко лошадь. Этот список находится в прямом противоречии с древним анимистическим характером духа «хозяина воды». О важной роли его можно судить по многим данным, в том числе и по наблюдениям, которые были сделаны в XVII в. Так, Л. Сенницкий, перечисляя «божеств», которым поклоняются сибирские народы, об обских уграх пишет, что вогулы за бога почитают лошадь, остяки – воду [Siennicki L., 1754, 9]. К.Ф. Карьялайнен, анализируя состав животных, приносившихся в жертву водяному, и исходя из того, что среди них фигурируют главным образом домашние животные, которые были не известно предкам обских угров в период угорской общности, приходит к малоправдоподобному, выводу о позднем возрасте и вторичном характере этого культа у обских угров [Karjalainen K.F., 1922, 244]². Вероятно, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, нужно различать: с какой целью приносятся жертвы водяному. К этому вернемся позже, теперь же обратимся к нашей основной теме, в связи с чем следует изучить вопрос о жертвоприношении собаки у народов Сибири.

В качестве жертвенного животного собака выступает у целого ряда народов Северной Азии и примыкающих участков Северной Европы – нивхов, коряков, азиатских эскимосов, юкагиров, кетов, у обских угров и самодийских народов – энцев, нганасанов, ямальских и мезенских самоедов.

Вопрос о характере этих жертвоприношений изучен для разных районов с разной степенью полноты, однако можно сказать, что принесение собак в жертву «духам-хозяевам» зафиксировано у многих сибирских народов. Особенно богатый материал был собран Е.А. Крейновичем в Приамурье у нивхов. Эти данные хорошо им описаны и классифицированы и представляют прекрасный материал для сравнения. Поэтому остановимся на них подробнее.

У нивхов Приамурья собаки, играющие крупную роль в хозяйстве (транспортное и охотничье животное), являются распространенным средством обмена и дарения – за собаку можно получить все необходимые вещи и даже жену [Крейнович Е.А., 1930, 38 – 39]. Так как для гияльков духи – такие же реальные существа, как и люди, то и свои отношения с ними нивхи строят по образу и подобию отношений между людьми. Они вступают с духами в обменное дарение, такое же, как между собой. В качестве предмета обмена и дарения во взаимоотношениях нивхов с духами моря и гор часто фигурируют

² Еще до появления работы К.Ф. Карьялайнена подобный же взгляд высказывал Б. Мункачи [Muncasci, 1905].

собаки. Не приводим здесь многочисленных случаев и поводов, по которым собака приносится в жертву, т.е. посылается в качестве подарка духам по принципу обменного дарения. Остановимся лишь на одном. Если горный дух или дух моря сердится на человека или хочет что-нибудь от него получить, то человек заболевает. Если он долго не выздоравливает, то убивают собаку, принося ее в жертву в первую очередь духу гор; если же это не помогает, тогда убивают другую, жертвуя ее духу моря. Собаку, приносимую в жертву с целью вылечить человека, душат. В этом жертвоприношении к обменно-дарственным функциям собаки, присоединяются еще и другие – она выступает в качестве заступника, ходатая по делам человека перед духами. Вменяя собаке в обязанность выступать в качестве ходатая перед духами, здесь также копируют взаимоотношения между людьми: если в случае переговоров между родами в особо важных случаях посылается специальный человек-оратор, то для переговоров о примирении человека с духами «посылают», т.е. убивают собаку, душа которой отправляется к духу с определенным поручением [Крейнович Е.А., 1930, 40 – 41].

С какой бы целью нивхи не приносили в жертву собаку, всегда строго фиксирована ее масть: «хозяину гор» – черная собака, «хозяину моря» – белая, птице мести – душе убитого сородича – собака желто-рыжей масти. В этом последнем случае она иногда выступает в качестве заместителя человека, как, например, в фиктивном поединке, связанном с обрядом мести. Если не отомщена душа сородича и убийца остается ненаказанным, то душа убитого обращает свой гнев и сородичей, мучает их и убивает. Если месть кончается выкупом, тогда происходит фиктивная дуэль: «сородичи... проводят между противниками по собаке и убивают их копьями (кровь за кровь), это значит, что мир заключен» [Крейнович Е.А., 1930, 43 – 44].

Таким образом, у нивхов приносимая в жертву собак может выполнять различные функции – с одной стороны, он выступает в качестве обменно-дарственного животного, с другой – в роли заступника – посредника между людьми и духами и в качестве заместителя человека, как об этом позволял судить обряд фиктивной дуэли. И, наконец, собака выступал в качестве жертвы еще в одном очень распространенном виде жертвоприношений, а именно, в тех случаях, когда кто-нибудь погиб на воде. Собаку убивают, предназначая ее утопленникам, которые становятся «морскими людьми». Цель этого жертвоприношения – избежать злых козней с их сторон [Крейнович Е.А., 1930, 42 – 43].

В меньшей степени, но жертвоприношения собак отмечено и у других народов Дальнего Востока. В фольклоре орочей собаку убивают в жертву небу при голоде [Орочские сказки и мифы, 1966, 201]. Если плохо ловилась рыба, ульчи смазывали кровью убитой собаки идолов, которых устанавливали у проруби в качестве жертвы хозяину воды [Золотарев А.М., 1933, 92]. Нанайцы ежегодно весной и осенью приносили жертву хозяину тайги, для чего смазывали кровью из надрезание ушей девяти или трех черных собак [Смоляк А.В., 1976, 149]. Негидальцы при молении на родовом кладбище убивали и жертву собак [Цинциус В.И., 1971, 182]. У удэгейцев, так же как у нивхов, при мирном разрешении инцидента кровной мести «чтобы кровь была пролита» убивали несколько собак со стороны виновных [Арсеньев В.К., 1948, 168 – 169].

По разным поводам жертвовали собак и народы Северо-Восточной Сибири. У коряков самой угодной жертвой были собаки: их убивали на празднике спуска и укладки байдар, в жертву киту на празднике в честь этого животного, для избавления от болезней и несчастий и т. д. [Крашенинников С.П., 1949, 455; Гурвич И.С., 1962, 243 – 248; Вдовин И. С., 1973, 167 – 168, 233 и др.]; Чукчи приносили собак в жертву злым духам, умершим, морю, на празднике байдар и голов; даже оленные чукчи во время осеннего забоя оленей иногда убивали одну или двух собак [Богораз В.Г., 1939, 73, 75, 87]. Эскимосы при первом спуске байдары резали собак в жертву богам, а на празднике клыков – в жертву духам, во время обряда приготовления к охоте на кита собак жертвовали духам моря [Воблов И.К.,

1952, 322 – 323, 326]. Интересно, что американские эскимосы не жертвовали собак вообще [Богораз В.Г., 1939, 84].

Нам не удалось найти в литературе данных о жертвах собак у народов Южной Сибири, очень скупо представлена в этом отношении и Восточная Сибирь. (исключая самые северные ее районы). Единичные сведения о жертвоприношениях собак имеются по кетам [Алексеев Е.А., 1976, 78] и юкагирам [Юкагиры, 1975; 52; Туголуков В.А., 1979, 115]. Картина меняется с переходом к северосамодийским народам. Особенно много сведений о жертвоприношении собак имеется по нганасанам и энцам [Попов А.А., 1936; Долгих Б.О., 1960, 1968; Симченко Ю.Б., 1963; Грачева Г.Н., 1977; и др.] У обоих народов было, например, принято в ледоход душить собаку и бросать в воду для предотвращения гибели людей на воде. Нганасаны жертвовали собаку Земле-матери, Воде-матери (Хозяйке воды), Дереву-матер и (Хозяйке леса). Обычно собаку при этом м удушали и оставляли на земле, бросали в воду или подвешивали на сук дерева. Собак жертвовали, кроме того, сопкам, очагу, а также для задабривания койка (почитаемых «представителей») основных промысловых животных, для *нгуо* голодовок или оспы и т.д. Собака выступает в качестве жертвенного животного и у ненцев. По данным Г.Л. Старцева, ее приносят в жертву олицетворяющему зло *Нгылеке*, а также его помощнику Хозяину моря – одному из самых злых и грозных духов. При жертвовании ему убитую собаку целиком бросают в воду [Старцев Г.А., 1930].

Некоторые наблюдения, касающиеся роли собаки в культовой практике самоедов, были сделаны В.Н. Чернецовым на Ямале. Ямальские самоеды, как можно судить по материалам, собранным В.Н. Чернецовым в 1928 – 1929 гг., приносят в жертву собак только на р. Юрибее в определенном месте на Яптохайн – жертвенном месте рода Яптик. Здесь каждый жертвующий приносит в жертву одно животное, выбирая для жертвоприношения хорошую, дорогую собаку белой масти. Собаку убивают только удушением, для чего применяется специальная удавка. На жертвенном месте оставляют шкуру и череп собаки, мясо бросают [Чернецов В.Н., дневник]. Следует отметить, что у ямальских самоедов собаке приписывается и известная роль в представлениях о цынге. Грозная смертоносная цынга, по их мнению, боится крови. Поэтому при ее появлении нужно разрезать свое ухо и намазать кровью лицо или же, как сообщил информатор В.Н. Чернецова Хаби-Яптик, при появлении цынки следует убить собаку и намазать ее кровью губы [Чернецов В.Н., дневник]. Приносили ли ямальские самоеды собак в жертву духу моря и имелся ли у них обычай приносить в жертву собак для предотвращения несчастий на воде, пока осталось нам неизвестным.

У обских угров, как и у других северных народов, отмечены кое-какие обряды, связанные с гибелью на воде. Любопытно, что у ляпинских манси в случае, если кто-нибудь тонул, и спасся, полагается сделать изображение человека и бросить эту специально изготовленную куклу в водоем, где случилось происшествие. Пол изображения должен соответствовать пол тонувшего [Устное сообщение Е.И. Ромбандеевой]. Изображение человека является заместителем человека и поэтому оно должно заменить то человеческое существо, которое хотел получить дух – Хозяин воды. Этот обычай представляет особый интерес, поскольку позволяет видеть в нем известную параллель с отмеченным у самоедов обрядом жертвоприношения во время ледохода, когда в жертву водяному приносят собак с целью предотвратить гибель людей на воде. Сравнивая эти два обычая, мы получаем схему: человеческое изображение – человек, собака – человек. Сам собой напрашивается вывод о существовании представления о том, что и человеческое изображение, и собака в равной мере могут заменить человека, которого хочет похитить дух – Хозяин воды.

Приведенная схема наводит на мысль о существовании на севере Сибири представления о том, что собака может рассматриваться как заместитель человека в обрядах.

Известно, что в древности собака часто выступает в качестве заместителя жертвы. Беренс, отмечая частоту распространения собак в человеческих погребениях, в качестве одного из объяснений этого явления высказал предположение, что собака могла играть роль заменительной дешевой жертвы взамен более ценных домашних животных [Behrens H., 1964, 85 – 86]. Насколько можно судить по материалам севера Западной Сибири, здесь собака играла совершенно иную роль.

Она как будто не встречается в погребениях³. В качестве жертвы, если судить по этнографическим данным, собака известна лишь у самодийских народов; обские же угры приносят ее в жертву крайне редко, причем, видимо, лишь в качестве заместителя человека. Может быть сообщение А. Каннисто о совершаемом по случаю поисков клада жертвоприношении человека, собаки или коня станет более понятным, если мы примем во внимание эту идею о заместительной роли собаки в качестве жертвы. Ясно, что при поисках клада, «для того, чтобы клад дался в руки», должна быть принесена очень дорогая жертва; в иных местностях считается, что лишь человек или самое ценное жертвенное животное – лошадь⁴. Как мы указывали, коня приносят в жертву постоянно, по самым различным поводам, считая ее самой дорогой жертвой, собаку же в жертвоприношениях, имеющих дарственный характер, – никогда. Обские угры считают, что собаку вообще нельзя убивать⁵. Едва ли не единственное исключение составляют случаи, когда собаку умерщвляли, если не могли найти труп утонувшего человека. Особая роль в этом последнем случае отчетливо выявляется при рассмотрении списков животных, приносимых водяному в дар с целью получить от него взамен больше рыбы. Как мы уже указывали в таком обменно-дарственном жертвоприношении жертвенными животными являются домашние, в том числе и лошадь, собака же – никогда. Это сравнение укрепляет нас в мысли, что и в случае принесения в жертву собаки во время поисков клада собака выступает в качестве заместителя человека.

Любопытные сведения о жертвоприношении собак на севере Западной Сибири дают археологические материалы. Такие данные можно извлечь, анализируя два археологических памятника. Первый из них – это обширное, использовавшееся в течение нескольких веков и содержащее богатейший вещевой материал жертвенное место в Усть-Полуе. Здесь наряду с остатками жертвоприношения человека были найдены костяные остатки 15 собак, черепа которых, видимо, тщательно охранялись и были спрятаны особым образом. Наличие на этом жертвенном месте находок костей человека и гораздо более многочисленных остатков собак заставляет предполагать, что здесь практиковалось принесение в жертву человека, а гораздо чаще – замещающих человека собак [Мошинская В.И., 1965]. Близкую к этому картину можно видеть и на культовом месте, раскопанном на Чудской горе (Прииртышье близ Тары), где также наряду с остатками человека были обнаружены кости и черепа собак⁶. Эти памятники неодновременны: Усть-полуйское жертвенное место относится главным образом ко второй половине 1 тыс. до н.э., Чудская гора, вероятно, значительно старше и принадлежит еще к эпохе бронзы. Надо полагать, что идея замещать человека ближайшим животным – собакой появилась в глубокой древности и оказалась очень живучей, особенно в районах и у народов, где к собаке сохранилось древнее почтительное отношение. В этом смысле материалы, собранные у обских углов, представляют особый интерес.

Заканчивая сюжет о жертвоприношении собаки у обских угров, можно привести предположение Н.И. Терешкина о том, что у хантов этот обычай является остатком доугорской палеоазиатской культуры [Устное сообщение, 1977]. Такое предположение,

³ В Сибири скелеты собак известны лишь из погребений андроновской и карасукской культур Южной Сибири, а также из своеобразных погребений в Восточной Сибири, относимых авторами раскопок к китайскому времени.

⁴ У ляпинских манси [Устное сообщение Е.А. Ромбандеевой].

⁵ У хантов р. Вах [Устное сообщение В.М. Кулемзина].

⁶ Раскопки Т.М. Потемкиной. Отчет за 1976 г. Архив Института археологии АН СССР.

возможно, окажется правомерным и для северосамодийских народов. Исследователи признают, что из двух жертвенных животных – собаки и оленя – наиболее древней являлась первая [Долгих Б.О., 1960, 81; Грачева Г.Н., 1977, 218]. Этнографические описания показывают также, что жертвоприношения собак были более характерны для нганасан и энцев, и в меньшей мере – для ненцев. Известно также, что энцы и нганасаны в основном являются потомками палеоазиатов, аборигенов Северной Сибири [Долгих Б.О., 1960, 81], а основным компонентом традиционной культуры ненцев является южносамодийский [Хомич Л.В., 1976, 135].

Имеются сведения об обычных манси хоронить собак. Ю.А. Васильев приводит данные В.Н. Чернецова о том, что в Ясунт-пауле каждую собаку полагается хоронить в деревянном срубе [Васильев Ю.А., 1935, 73]. Известно также не совсем ясное указание Витзена, что на могиле умерших вогулов в деревянном домике клали трупы собак, которые по разрушении домика зарывали в могилу. «Когда кто-либо из них умирает, – пишет Витзен о вогулах недалеко от Верхотурья в Западной Сибири; – то его кладут на землю без гроба, одетого в лучшее платье, еще кладут несколько денег для пособия умершему в предположении, что эта самая одежда послужит ему на том свете, как и деньги для его содержания; над умершим кричат и весьма долго оплакивают его. Когда умирает его собака, оказывавшая ему хорошую службу на охоте, то строят деревянный домик, вышиной в сажень, на четырех столбах и торжественно кладут умершую собаку вниз, и этот домик стоит, пока не развалится, после чего зарывают его в землю, зарывают также и собаку, с ней палку, под ее головой, чтобы ей спокойно было лежать. Все это делается, чтобы почтить услуги ее, оказанные при жизни» [Witsen N., 1705, 734; цит. по: Ядринцев Н.М., 1894, 156 – 157].

Русский перевод текста Витзена не отличается ясностью и хотя как будто дает основание для заключения о том, что собак хоронили на могилах их хозяев, тем не менее не исключает предположения, что их хоронили самостоятельно. Второе вполне вероятно. Оно тем более вероятно, что кроме этого указания Витзена как будто нет других указаний о захоронении собак вместе с хозяином, вместе с тем известны специальные кладбища собак. Такое собачье кладбище существует, и относительно недавно еще функционировало близ мансийского селения Щекурья. Там погибших собак зарывали в специально для каждой вырытую яму, закрывая эту яму пластами дерна определенной формы [Устное сообщение Н. Сайнаховой]. У манси же существует обыкновение «помогать» старым собакам перебираться в мир иной, для чего их душат специальной удавкой, не прикасаясь к собаке руками [Устное сообщение Е.И. Ромбандеевой]. К этому обычаю помогать старым собакам умирать через удушение можно привести в качестве параллели распространенный некогда на Обском Севере обычай самоубийства. Д.К. Зеленин, посвятивший этому вопросу специальное исследование, пишет, что у ямальских самоедов признают самоубийство необходимым, лишь бы только оно было исполнено через задавленне, ибо жертва давленная, по их понятиям, богу приятна, и после подобной смерти в загробной жизни самоед будет счастливее [Зеленин Д.К., 1935, 72].

Приведенные данные о погребениях собак позволяют предполагать, что существовало несколько различных форм погребальных сооружений – во всяком случае, отмечены как погребения в ямах под землей, так и в наземных сооружениях-срубах, таких же, как и для захоронения людей. У лямнских хантов полагалось хоронить собаку, завернув ее в тряпку, причем не опускать в землю, а просто закидать ветками. Таким образом, существуют различные формы погребальных сооружений, причем особо следует отметить распространенный, например, у восточных хантов взгляд, что собак вообще нельзя закапывать в землю, ибо «собаку в землю закопать, все равно что себя закопать». Возможно, что такое отношение к погребению под землей отражает изменения в форме погребальных сооружений, применявшихся в различное время разными группами предков обских угров, а позднее различными локальными группами хантов и манси.

В почтительном отношении к трупу собаки, которое отчетливо прослеживается у обских угров, можно видеть, по мнению Ю.А. Васильева, идентификацию животного и человека, «причем скорее комплекс животного-брата, чем животного-родителя» [Васильев Ю.А., 1935, 74]. Наблюдение Ю.А. Васильева относительно идентификации собаки и человека представляется нам совершенно правильным, причем материалы по обским уграм дают ряд примеров, подтверждающих этот взгляд. Такое отношение к собаке можно видеть прежде всего в фольклоре восточных хантов: у богатыря сняли скальп – он натянул собачью шкуру и три года так жил; богатырь ставил головы убитых врагов рядами, не хватило двух – убил собак; вместо крови человека приносят кровь собаки [Легенды и сказки хантов, 1973, 37; Материалы по фольклору хантов, 1978, 34 – 35, 43]. Об этом же свидетельствует и распространенное в некоторых местностях отношение к медведю, задравшему собаку. К нему относятся так же, как к медведю, задравшему человека.

Идея необычайной близости человека, доходящей до идентификации ее с человеком, так ярко проявляющаяся у обских угров, некогда была широко распространена на севере Сибири. Проявления ее можно наблюдать у нивхов, многочисленные примеры чего приводит Е.А. Крейнович [Крейнович Е.А., 1930]. Среди них следует отметить мирное разрешение обряда кровной мести, когда инсценируют поединок, убивая собак. Такой же обряд известен и у удэгейцев. Кровь собаки может заменить кровь человека – считали, насколько можно судить по легендам, не только ханты, но и ямальские самоеды. Эвенки распространяли на собак некоторые запреты, относившиеся к людям. По данным Г.М. Василевич, они не ели сами и не давали собакам навар медвежьего мяса, чтобы у человека во время охоты не мерзли ноги [Василевич Г.М., 1957, 167]. Наконец, в некоторых случаях во время погребального обряда в определенные его моменты собака выступала в качестве заместителя покойника, что отмечено у чукчей.

У обских угров к собаке проявляется не только почтительное отношение, но и почитание ее. В некоторых местностях (р. Ляпин) собака считается священной. В.Н. Чернецов приводит сведения о том, что в селениях Манья-Пауль и Хангл-Пауль собаки считаются воплощением духа-хозяина верховьев р. Ляпин [Васильев Ю.А., 1935, 73]. Уточняя это сообщение, нужно сказать, что облик собаки, или вернее в облике крупной северной собаки («овчарки»), мерещится людям один из семи богатырей, принадлежащих ко второму поколению «предков» ляпинских манси [Устное сообщение Е.И. Ромбандеевой]. Не оспаривая мысль Ю.А. Васильева о том, что в отмеченном у обских угров почтительном отношении к трупу собаки можно видеть скорее комплекс животного-брата, чем животного-родителя, следует сказать, что данные о ляпинских манси не позволяют совсем отбросить мысль о существовании также и представления, близкого к идее о животном-родителе. Но может быть это и не так уж важно. Гораздо важнее здесь то особо нежное, почтительное и бережное отношение, которое сохранилось в этой среде к древнейшему другу и помощнику человека. Оно проявляется в ряде обязательных форм поведения по отношению к собаке: собак нельзя убивать, так как убийство собаки – преступление перед Кулем. Нарушивший вызывает презрение, должен принести жертву на месте убийства, его дети и племянники не имеют права снимать шкуры с других собак [Старцев Г.А., 1928, 98 – 99]. В легенде говорится о наказании богатыря который убил собаку [Материалы по фольклору хантов, 1973, 84]. Собаку нельзя бить. Ее нельзя ругать нехорошими словами [Устное сообщение Е.И. Ромбандеевой]. Охотничьей собаке нельзя давать в рот ничего грязного.

Собак стараются хорошо содержать и кормить, заготавливая для них специальную пищу, о чем подробно пишет Я. Кодолани [Kolodanyi, 1965, 67 – 72]. Отмечая это заботливое отношение, Франц Белявский пишет, что остяки о собаках заботятся больше, чем о женах, кладут с собой спать, стелют олени шкуры, варят им кости [Белявский Ф., 1833, 147]. Об отношении к трупу собаки мы говорили выше. Стоит лишь добавить, что

иногда его стараются украсить, привязывая к лапам ленточки – к одной красную, к другой черную (р. Лямин).

В заключение требовалось бы выяснить, каковы были причины, в результате которых в среде обских угров сохранилось это древнее уважение и любовь к собаке. Однако это слишком обширная тема, требующая специального исследования, которому будет нужно посвятить особую статью.

Литература:

- Алексеев Е.А., 1976. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.
- Арсеньев В.К., 1948. Лесные люди – удэгейцы. Соч., т. 5. Владивосток.
- Белявский Ф., 1833. Поездка к Ледовитому морю. М.
- Богораз В.Г., 1939. Чукчи. 2. Религия. Л.
- Василевич Г.М., 1957. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. Т. 17. М.; Л.
- Васильев Ю.А., 1935. Собаки в фольклоре и культе северных народов // Советская Арктика. № 5.
- Вдовин И. С., 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.
- Воблов И.К., 1952. Эскимосские праздники // ТИЭ, н.с. Т. 18. М.
- Гондатти Н.Л., 1888 б. Следы язычества у народов Северо-Западной Сибири. М.
- Грачева Г.Н., 1977. Традиционные культы нганасан // СМАЭ, 23. М.
- Гурвич И.С., 1962. Культура северных якутов-оленьеводов. М.
- Долгих Б.О., 1960. Принесение в жертву оленей у нганасанов и энцев // КСИЭ АН СССР. Вып. 33. М.
- Долгих Б.О., 1968. Матриархальные черты в верованиях нганасан // Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Зеленин Д.К., 1935. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов. Отд. оттиск. Л.
- Золотарев А.М., 1933. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
- Крашенинников С.П., 1949. Описание земли Камчатки. М.; Л.
- Крейнович Е.А., 1930. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии // Этнография. № 4.
- Кулемзин В.М., 1976. Шаманство ваховско-васюганских хантов // Из истории шаманства. Томск.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977. Ваховско-васюганские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск.
- Легенды и сказки хантов, 1973. Записи, введение и примечания В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. Томск.
- Материалы по фольклору хантов, 1978. Записи, введение и примечания В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. Томск.
- Мошинская В.И., 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири. М.
- Носилов К.Д., 1904. У вогулов. Очерки и наброски. СПб.
- Основы финноугорского языкознания, 1974. М.
- Попов А.А., 1936. Тавгийцы. М.; Л.
- Симченко Ю.Б., 1963. Праздник Аны'о Дялы у авамских нганасан // Сибирский этнографический сборник, 5. М.
- Смоляк А.В., 1976. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.
- Старцев Г.А., 1928. Остяки. Л.
- Старцев Г.А., 1930. Самоеды. Л.
- Туголуков В.А., 1979. Кто вы, юкагиры? М.
- Хомич Л.В., 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.
- Цинциус В.И., 1971. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // СМАЭ, т. 27. М.; Л.
- Чернецов В., 1935. Вогульские сказки. Л.
- Юкагиры, 1975. Историко-этнографический очерк. Новосибирск.
- Ядринцев Н.М., 1894. Культ собаки и почетное ее погребение // Этнографическое обозрение. № 4.
- Behrens H. 1964. Die Neolithisch-Fruhmetallzeitliche Tierskelettfunde der alten Welt. Berlin.
- Fodor I. 1976. The Main Issues of Finno-ugrian Archeology. Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest.
- Kannisto A., 1958. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki.
- Karjalainen K.F., 1921–1922. Religion der Jugravolker. Bd. 1- 2. Porvoo.
- Kolodanyi, 1965. Az obi-ugor nepek allatartasa a XIX. Szazadbn. A nepraizi ertesito, 47, evfolyamabol.

Korenych E., 1972. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest
Munkacsı B., 1905. Seelenglaube und Totenkult der Wogulen. Keleti Semele, VI. Budapest.
Siennicki L., 1754. Dokument osobliwego milosierdzia.
Witsen N., 1705. Noord en Cost Tartarye. Amsterdam.